

С. В. Городилин
ИРИ РАН, Москва, Россия. sergey.v.gorodilin@gmail.com

МОСКОВСКАЯ ВОТЧИНА РОСТОВСКИХ ЕПИСКОПОВ: К ВОПРОСУ О РАННЕЙ ИСТОРИИ ДОРОГОМИЛОВА

Статья посвящена истории подмосковной резиденции ростовских архиереев Дорогомилова в XV – первой трети XVI в. В работе исследуются функции этой вотчины глав Ростовской кафедры в рассматриваемый период, выдвигается предположение о возникновении этого владения во время правления Василия Дмитриевича, а также уточняется политический контекст данного акта.

Ключевые слова: ростовские архиереи, великий князь Василий Дмитриевич, Дорогомилово, Леонтий Ростовский

В основу статьи лег доклад, прозвучавший на 4-м заседании научно-практического семинара «Археология русского города» (28–29 ноября 2019 г., Москва).

На протяжении XV–XVIII вв. в источниках упоминается принадлежавшая Ростовской архиерейской кафедре московская вотчина – пригородная слобода Дорогомилово. Отдельные факты из ее прошлого нередко приводятся в трудах краеведов, но предметом специального исследования она до сих пор не становилась, хотя с нею так или иначе связан ряд значимых для политической, церковной и культурной истории русского Средневековья эпизодов. В настоящей работе мы рассмотрим вопросы, касающиеся ранней истории Дорогомилова и обстоятельств его получения ростовскими владыками.

Впервые Дорогомилово упомянуто под 1412 г. в ростовском епископском летописании: «Въ лѣт(о) 6920 индикта 5 м(ѣ)с(я)ця ок(тября) 6 създана быс(ть) ц(е)ркви каменная Бл(а)говѣщение с(вя)тыя Б(огороди)ца на Дорогомиловѣ б(о)голюбивымъ еп(и)с(ко)помъ Ростовъскимъ и Ярославъскимъ Григорьемъ», – сообщает летописец¹. Таким образом, в этот момент Дорогомилово уже принадлежит Ростовской кафедре, более того, занимающий ее архиерей строит в нем каменную церковь. Данный факт выразительно демонстрирует и статус этого владения, и его особую значимость для обладателя. Каменное строительство для той эпохи – явление нечастое, и любых иных примеров обладания крупным владельческим комплексом в непосредственной близости от Москвы, да еще и с каменным храмом, применительно к прочим епископиям Северо-Восточной Руси в рассматриваемое время не обнаруживается. Непосредственно перед этим, в 1409–1411 гг., тот же владыка Григорий восстанавливал после обрушения главы и сводов из-за пожара 21 июня 1408 г. кафедральный собор Успения в Ростове, и, как можно уверенно предположить, небольшую церковь Благовещения в подмосковной резиденции епископа возводили те же мастера, высвободившиеся после завершения 26 сентября 1411 г. масштабных работ над главным храмом епархии. Само строительство в Дорогомилове возможно гипотетически связать с ликвидацией последствий похода Едигея конца 1408 г., когда все московские окрестности подверглись разорению. В случае, если в Дорогомилове в 1408 г. уже была деревянная церковь, она могла при этом пострадать, как несомненно

¹ ПСРА. Л., 1928. Т. 1. Вып. 3. Стб. 539; см. также: ПСРА. Пг., 1921. Т. 24. С. 176; Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. 2. С. 306.

пострадало и само поселение, и постройка там за счет кафедры нового каменного храма выразительно демонстрировала москвичам экономические возможности занимающего ее иерарха.

Поскольку церковь Благовещения в Дорогомилове (в виде уже позднейшего строения XVII в.) просуществовала вплоть до XX в., постольку можно вполне уверенно локализовать центр этого средневекового владения ростовских архиереев в районе современного дома № 5 по Ростовской набережной («Дом архитекторов»). Церковь и окружающая ее слобода с епископским двором располагались на сохранившемся до сих пор гребне возвышенного левого берега Москвы, хорошо видном с Бородинского моста и из-за реки, от Киевского вокзала. К востоку от Дорогомилова за тянувшимся в сторону ручья Черторья вспольем уже начиналось московское Занеглименье, к югу берег понижался в направлении великокняжеского села Семчина (Семьцинского), лугов позднейшего Девичьего поля и Лужников. С севера, выше по течению, лежали владения князя Владимира Андреевича (1353–1410) – княжий двор на Трех горах за Пресней и при нем село Кудрино с деревнями, данное вдовой князя Еленой Ольгердовной митрополиту Фотию. Южная граница кудринских земель шла от всполья – «Городцкого поля» – по «Мажайской дороге» до перевоза через Москву-реку². В закатную сторону из Дорогомилова открывался обширный вид на извивы реки, на ее пойменные луга, уходящие вдаль к Серебряному бору и к скрытым береговой кручей с расположенным на ней великокняжеским селом Хорошевским (Хорошовым) устьям Химки и Сходни, на низменное правобережье, постепенно повышающееся ближе к Поклонной горе, и на начинающиеся за впадающей в Москву чуть южнее Сегунью Воробьевы горы.

Следующее упоминание Дорогомилова содержится в «Московской записи о душегубстве», датируемой осенью 1426 – 10 марта 1427 г. [Кучкин]. Документ, связываемый с началом великого княжения Василия Васильевича, фиксирует границы городских судебно-следственных округов, организацию следствия и суда и распределение пошлин между представителями обладающих судебной властью в Москве и в «тянущих» к городу землях князей московского дома. Дорогомилово «Запись» включает в состав округа, начинающегося «на Москве на посаде» в московском Занеглименье: «а за Неглимною лучится душегубство, ино к тому и Дорогомилово, все Занеглименье и Семьчинское»³. Таким образом, Дорогомилово, как и близлежащее Семчино, в плане судебной юрисдикции рассматривается наравне с территориями московского посада⁴. Укажем тут также, что, поскольку Дорогомилово специально упомянуто «Записью» по этому поводу, судебный иммунитет ростовских владык над его жителями в тот момент не был полным, а явно имел изъятие «опричь душегубства».

Затем Дорогомилово фигурирует в летописной «Повести о иконе пречистые Богородици Смоленские, како отпущена бысть в Смоленскъ с Москвы великим князем Васильем Васильевичем с великою честью». Вывезенная в Москву в 1404 г. последним смоленским князем Юрием Святославичем чтимая икона 18 января 1456 г. по просьбе смолян была торжественно отправлена в сопровождении прибывшего за ней епископа Мисаила обратно в Смоленск, и «проводи же ея князь великий до церкви Благовещения, иже глаголется на Дорогомилове, два поприща за град, и оттоле возвратися назад»⁵. Как видим, уже тогда фиксируется расположение Дорогомилова, находящегося в 2 верстах от тогдашних пределов города, на Можайской дороге – важном пути из Москвы через Можайск к Смоленску, хорошо известное позднейшим источникам.

---

² АФЗХ. М., 1951. Ч. 1. № 31. С. 50.

³ АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 12. С. 27–29.

⁴ Здесь можно добавить, что и соседствующий с Дорогомиловом с юго-запада монастырь Св. Саввы чуть позже, в 1454 г., тоже был определен как находящийся «на Москве на посаде» (АФЗХ. Ч. 1. № 29. С. 48).

⁵ ПСРА. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 273–274.

Именно в своей московской вотчине во время похода хана Ахмата в октябре 1480 г. ростовский архиепископ Вассиан пишет знаменитое послание великому князю Ивану Васильевичу на Угру: «А писал на Москвѣ, на Дорогомилове, лета в 6989»⁶. Эта деталь убедительно отражает основную функцию дорогомиловского владения в рассматриваемый период – служить местом проживания ростовских владык во время частых и продолжительных пребываний тех в столице великого княжения, обусловленных и их особым положением среди архиереев русского Северо-Востока. Тот же самый Вассиан незадолго до этого в марте 1479 г. вместе с троицким игуменом крестит во имя святого Василия Парийского великокняжеского старшего сына – будущего Василия III, а в августе 1479 г. первым из всех владык, как специально отметил летописец, приезжает в Москву на освящение нового Успенского собора⁷. Затем в феврале 1480 г. архиепископ отправлен великим князем на переговоры с выступившими против Ивана Васильевича братьями того Андреем и Борисом, в марте возвращается в Москву с послами великокняжеских братьев, 27 апреля вместе с боярами великого князя едет с ответными мирными предложениями к Андрею и Борису в Великие Луки, после чего вновь прибывает оттуда в столицу⁸. В это время становится известно о выступлении на Русь Ахмата. Летом 1480 г., когда великий князь отправляется к Оке, Вассиан вместе с митрополитом, великой княгиней – матерью и с князем Михаилом Андреевичем садятся «в осаду» в Москве⁹. С учетом того, что свое решение по поводу присланных с прибывшими в конце сентября – начале октября того же года от Андрея и Бориса послами новых предложений великий князь Иван принимает при участии тех же уже перечисленных лиц – митрополита Геронтия, великой княгини иноки Марфы, «архиепископа ростовского Васияна» и князя Михаила Андреевича¹⁰, все это тревожное время с февраля до октября 1480 г. Вассиан с перерывами лишь на свои посольства прожил в столице великого княжения, и, как видно из приписки к «Посланию на Угру», в реальности местом его пребывания была архиепископская резиденция в Дорогомилове.

Приведенный пример «посаждения» великим князем во время военных опасностей в осаду в своей столице формально не связанного с нею напрямую ростовского архиерея не уникален. Точно так же в Дорогомилове, насколько можно судить, оказался перед набегом царевича Мазовши летом 1451 г. ростовский архиепископ Ефрем, в результате вместе с князем Юрием Васильевичем, великой княгиней Софьей и митрополитом Ионой тоже посаженный покидающим город великим князем Василием Васильевичем в осаду в Москве¹¹. Связаны с Дорогомиловом и многие другие ситуации в жизни сменявших друг друга ростовских владык, как экстренные, так и вполне ординарные: Вассиан II «преставися» 28 августа 1515 г. «на Дорогомиловѣ, и положили его в Ростовѣ в Пречистой»¹²; Кирилл III 25 июня 1535 г. выдает жалованную грамоту служителям отдаленной церкви Афанасия Великого на Малом Грезку у Соли Вычегодские в Устюжской десятине, и в акте прямо указано: «А дана грамота на Дорогомилове»¹³. Тело Варлаама II, скончавшегося 9 июля 1652 г. прямо во время встречи привезенных в Москву из Соловецкого монастыря мощей св. митрополита Филиппа, вначале несут на архиерейское подворье в Дорогомилово и уже оттуда перевозят для погребения в Ростов.

Роль Дорогомилова в XV – первой трети XVI в. вполне очевидна: в силу особого статуса ростовских владык им необходимо регулярно и подолгу пребывать за пределами своей

⁶ ПСРА. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 273; см. также: [Назаров, 2017, с. 253].

⁷ ПСРА. Т. 24. С. 197; Т. 25. С. 323–324.

⁸ ПСРА. Т. 24. С. 198; Т. 25. С. 326.

⁹ ПСРА. Т. 24. С. 199.

¹⁰ Там же. С. 199; ПСРА. Т. 25. С. 327.

¹¹ ПСРА. Т. 25. С. 271.

¹² ПСРА. Т. 24. С. 218.

¹³ Цит. по: [Макарий (Веретенников), с. 120].

огромной епархии, в центре церковной и политической власти Великого княжения Московского. Более чем двухсотверстный переход из Ростова в Москву и обратно средневековый сензор столь высокого ранга совершает в сопровождении представителей своего двора – служащих ему бояр и детей боярских (когда он садится «в осаду», те выполняют военные задачи), дьяков, слуг и холопов, и на время его пребывания в Москве всех их и их лошадей надо где-то разместить и обеспечить кормом. В этом смысле располагающиеся в Дорогомилове строения владычного двора (сооружение и последующие ремонты которого в подобных случаях обычно возлагались на слобожан), концентрируемые там «на домовая на дворовой обиход» припасы, предоставляемые дорогомилловцами в виде пошлин зерно, продукты и сено, а также дорогомилловские приречные луга для выпаса должны были оказаться просто незаменимым подспорьем.

Расположенные «в царствующем граде Москве в Китае-городе на Варварском Хресте домовая двор да за городом на Москве-реке слобода Дорогомиловская» названы в данной царем Иваном Васильевичем ростовскому архиепископу Никандру 5 января 1555 г. и являющейся наиболее ранним описанием владений ростовских архиереев жалованной грамоте в числе прочих многочисленных владычных вотчин, причем в перечне они расположены сразу после ростовских домовых вотчин, перед владычными землями в Московском и прочих уездах¹⁴. В дальнейшем, по мере развития экономики Московского государства, когда продукты и услуги стало проще приобретать за деньги, а уровень безопасности вырос, надобность в перемещениях с многочисленным двором и в обслуживании его населением пригородной слободы постепенно снижается. В петровские времена к тому же радикально изменяется и вся система управления церковной организацией, в итоге в XVIII в. архиерейское подворье в Дорогомилове приходит в упадок, а роль московской владычной резиденции исполняет уже только упоминаемый начиная с середины XVI в. городской двор в Китай-городе.

Еще один яркий эпизод, связываемый агиографической традицией с Дорогомиловым, отразил его значение не в экономическом и политическом, а в сакрально-символическом аспекте. Традиционно исполняющий роль покровителя Ростовской кафедры святитель Леонтий – один из первых ростовских епископов XI в., уже со следующего столетия почитаемый в Ростове как чудотворец, – на протяжении XV в. постепенно входит в число наиболее почитаемых святых Великого княжества Московского. В ряде договорных грамот московских князей и посланий митрополитов середины – второй половины этого столетия он помещен в число прямо упоминаемых там святых патронов наряду с покровителями Москвы святителями Петром и Алексием, а в XVI в. его культ приобретает уже очевидное государственное значение (см.: [Мельник, 2014; Мельник, 2016]). Этот процесс можно соотнести не только с происходящей параллельно поэтапной инкорпорацией Ростова в состав великого княжения, с особым значением этого города для великокняжеской семьи и с высоким местом ростовских архиереев в складывающейся иерархии кафедр Московской митрополии, но и с тем вполне реальным историческим обстоятельством, что в XI в., во времена святительства Леонтия, территория будущей Московской земли входила в состав его Ростовской епархии, и он, таким образом, в известной мере действительно оказывался предшественником святых московских митрополитов.

Любопытные в этом отношении детали, связанные с почитанием в Москве Леонтия Ростовского, содержит «Повесть о нашествии на Москву Мехмед-Гирея», созданная в середине XVI в. в окружении митрополита Макария и вошедшая затем в состав «Степенной книги царского родословия»¹⁵. Согласно Повести, когда войска крымского хана в начале августа 1521 г.

---

¹⁴ Стрельников С. В. Ростовские грамоты XV–XVI веков // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. № 2. С. 41.

¹⁵ Повести XVI в. в сборнике Рогожского собрания // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1958. Вып. 20. С. 186–204; Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2008. Т. 2. С. 305–313.

приближались к Москве, ряд горожан был удостоен схожих между собою чудесных видений¹⁶. В этих видениях покровительница столицы – храмовая икона Богородицы из кремлевского Успенского собора в сопровождении целого сонма святителей, из которых «познаваемы быху» Петр, Алексий и Иона Московские и Леонтий Ростовский, через кремлевские Фроловские ворота покидала город, за грехи его жителей уже обреченный свыше на варварское нашествие. Однако встретившие икону и святых архиереев у городского торгового рынка на Ильинском крестце преподобные Сергей и Варлаам умолили и убедили тех (при этом в ходе беседы святые «единъ единого именемъ нарицаху», то есть называли друг друга по именам) вновь обратиться с молитвами к Богородице о пощаде для Москвы. Моление святителей было услышано, чудесная процессия, как сообщили свидетели явленного им чуда, вернулась обратно в Кремль, а вскоре пришла и реальная весть об уходе 12 августа из московских земель татарского войска. Подводя итог и сообщив о последовавшей вскоре гибели хана, книжник вновь называет вышеупомянутых святых, связывая это чудесное в его интерпретации избавление столицы Московского государства от крымского набега именно с их молитвой.

Столь непосредственное участие святого патрона Ростова наравне с московскими святыми в спасении Москвы само по себе представляет важную для характеристики происходящей трансформации его почитания деталь, но для нашей темы особенно любопытно еще одно входящее в текст рассматриваемого памятника чудо. Шедшему в тот же самый день поутру к «церкви Благовѣщения святыя Богородици на Дорогомилове, идеже есть домъ ростовскихъ архиепископовъ, иже надъ Москвою рекою» пономарю этого храма явился спешащий туда же Леонтий Ростовский. Он велел пономарю быстрее отворить ему церковь, дабы святой епископ смог облечься в ней в свою «освященную одежду». Облечившись в храме, Леонтий уже во «всем святительском благолѣпии» быстро пошел из Дорогомилова «къ граду», чтобы присоединиться там к вышеописанному чудесному шествию святителей. Агиограф поясняет со ссылкой на речи «некихъ», что «в Дорогомиловской той церкви отъ древнихъ лѣтъ были бяху священныя ризы чудотвориваго святителя Леонтия и отъ того времени не обретошася тамо и нигдѣ же инде и донинѣ на уверение преславного чудеси»¹⁷.

Как видим, согласно источнику, важнейшим центром складывающегося в Москве почитания святого Леонтия оказывается именно Благовещенская церковь в дорогомилдовской вотчине его преемников, «еже есть привитание и дом архиепископов Ростовских»¹⁸. Это тем более интересно с учетом того, что непосредственно участвовавший в развитии данного культа великий князь Василий Иванович не только посетил в 1510 г. Ростов, где в это время пришедшие им из Москвы мастера строили новый собор Успения, и пожертвовал туда же в 1514 г.

¹⁶ Интересно, что в Повести специально упомянут и «Иван, архиепископ ростовский», оказавшийся в это время в Москве: он, взяв благословение у митрополита, затворился в Похвальском приделе Успенского собора и денно и ночью молился там об избавлении от гнева Господня, отказавшись покидать храм даже ради приема пищи (Повести XVI в. в сборнике Рогожского собрания. С. 194). То, что архиепископ Иоанн в ситуации татарского набега пребывает в кремлевской крепости, а не в незащищенном Дорогомилове (учитывая, что нападениям крымцев тогда подвергались ближайши окрестности города, был разорен даже Угрешский монастырь), выглядит вполне убедительным. Еще А. А. Зиминым отмечено, что автор Повести в качестве своих информантов называет постельничего Ивана Боброва и казначея Ивана Третьякова [Зимин, с. 227], и тут следует добавить, что Третьяков к середине XVI в. являлся крупным ростовским вотчинником [Стрельников, с. 105–106, 109], а писцовые книги фиксируют сохраняющиеся и за его потомством в первой четверти XVII в. три села с деревнями в Ростовском уезде и большой двор в центре Ростова «против соборныхъ церкви», в которой и покоились мощи св. Леонтия (Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. 1629–1631 гг. М., 2012. С. 472–475, 491–493, 746; РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент). Оп. 1. № 380. Л. 6). При этом именно родственница Ивана Третьякова, жившего у Фроловских ворот Кремля, названа Повестью как видевшая «яве» из «оконца» дома казначея чудесное шествие архиереев (Повести XVI в. в сборнике Рогожского собрания. С. 196).

¹⁷ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. С. 311.

¹⁸ Повести XVI в. в сборнике Рогожского собрания. С. 196.

шитый покров на раку над мощами святителя, но еще и повелел возвести в том же 1514 г. в Москве «за Неглинною церковь святой Леонтей чудотворец Ростовский»¹⁹. Однако, как можно судить по рассмотренному тексту, не только что сооруженный по государевой воле в недалеком от Дорогомилова московском Занеглименье каменный храм, прямо посвященный этому ростовскому святому, а именно старинная Благовещенская церковь – домовая церковь ростовских владык – оказывается в представлении москвичей теснее всего связана с Леонтием.

По поводу приведенного в Повести предания о хранившихся до августа 1521 г. в храме священных ризах святого епископа сложно сделать сколь-нибудь убедительные выводы о том, находились ли они там до этого момента в действительности, исчезнув во время набега, и были ли это целые ризы или их часть, привезенная из Ростова, приписали ли Леонтию одеяния, ранее завещанные домовою церкви кем-то из ростовских владык, отразились ли таким образом в зафиксированной агиографом устной традиции воспоминания о каком-то временном присутствии в Дорогомилове некоей связываемой с Леонтием реликвии (она могла оказаться там, к примеру, после ростовского пожара 1408 г. на период ремонта собора в 1409–1411 гг., или же в 1510–1512 гг. на время строительства его нового здания) или даже этот не имеющий иных подтверждений «агиографический факт» был полностью сконструирован в религиозном сознании московского социума уже после набега 1521 г. *post factum*²⁰, чтобы, если так можно выразиться, прочнее укоренить в столице уже почитаемого там ростовского святителя – не только в символическом, но и в сугубо реальном и даже вещественном смысле. В любом случае, столь эффектный эпизод убедительно отразил значимую роль Дорогомилова и тамошней Благовещенской церкви в московской сакральной топографии первой половины – середины XVI в., которая в результате включения этого текста в широко копирующуюся во второй половине XVI – XVII в. Степенную книгу стала известной уже практически в общерусском масштабе.

Таким образом, выполнявшиеся на протяжении существования дорогомиловского владения функции его вполне прозрачны, но того же самого нельзя сказать по поводу появления этой вотчины в собственности ростовских владык. Как говорилось, для XV в. это уникальный пример крупного пригородного владения главы кафедры, не имевшего прямого отношения к Московской епархии. Епископ Коломенский обладал собственным двором в московском Кремле, но Коломна еще с XIV в. была важнейшей частью великокняжеского домена, лишь благодаря усилиям великих князей став, несмотря на свою очень небольшую территорию, еще и центром новосозданной в середине того же столетия особой кафедры, а сами владыки Коломенские применительно к митрополитам Киевским и всея Руси нередко играли роль их викарных архиереев (см.: [Мазуров, с. 170–246, 318–319]). Со второй половины XV в. начинает упоминаться и подмосковное владение епископов Сарских на Крутицах. Их случай также особенный: Крутицы в то время стали главной и, судя по всему, еще и просто единственной резиденцией занимающих эту кафедру архиереев, титульный же для них ордынский Сарай тогда давно уже обезлюдел, и нет сведений даже о том, сохранялись ли за ними в первой половине – середине XV в. хотя бы какие-то территории под их реальной властью, или же эти епископы жили лишь за счет доходов, временно предоставляемых им митрополией. В итоге с учетом своего пребывания в Москве владыки Сарские и Подонские в последней трети XV в. тоже начинают выполнять обязанности викарных архиереев.

Ясно, что применительно к обширной, богатой и влиятельной Ростовской кафедре владение Дорогомиловом также должно быть соотнесено с ее особым местом среди епископий русского Северо-Востока, которое было чрезвычайно высоким изначально, а к тому же начи-

---

¹⁹ ПСРА. М., 1904. Т. 13. Ч. 1. С. 18; [Мельник, 2013, с. 7, 9–10].

²⁰ Напомним, что между описываемыми событиями и созданием Повести прошло около трех десятилетий [Зимин, с. 228].

ная с 15 декабря 1448 г. оказалось закреплено еще и выделившим ее из общего ряда статусом архиепископии²¹. Кроме того, нужно иметь в виду и особенно тесные отношения ростовских владык с митрополитами и князьями московскими, восходящие еще к епископству Прохора (1311–1328 годы). Вместе с тем отсутствие сведений о времени и обстоятельствах получения преемниками святого Леонтия Дорогомилова препятствует и точному осмыслению политического контекста данного акта. Кроме того, в проверке нуждаются и прочие составляющие владельческой истории этого комплекса, поскольку присутствующая в трудах краеведов уверенность, что его границы, фиксируемые источниками XVII–XVIII вв., могут быть механически экстраполированы в Средневековье основана лишь на презумпции их неизменности.

Важным источником, связанным с ранним этапом владельческой истории Дорогомилова, на наш взгляд, является жалованная грамота Петра Константиновича Добрынского, дошедшая в составе копийной книги митрополичьего дома. 15 февраля 1454 г. Петр Константинович по себе и по своему роду дал митрополиту Ионе в качестве вклада «в дом пречистыа Богородици» монастырь Святого Саввы в Москве на посаде с тянущими к нему землями и мельницу в устье Сетуни, а также «две деревни у Крылатска, что есмь их выменил у владыки у ростовского у Григорья, Олферчиково да Ипское, и с всем тем, что к ним изстаринны потягло»²².

Этот весьма крупный вклад был сделан вкладчиком на склоне лет, в то время, когда его прежние придворные позиции оказались уже безвозвратно подорваны службой самого Петра и его братьев Никиты и Василия Константиновичей противнику победителя в долгой и жестокой борьбе за власть, великого князя Василия Темного, – князю Ивану Андреевичу. Однако ранее, в начале 1430-х гг., статус Петра Добрынского при великокняжеском дворе был чрезвычайно значим. Именно он, как сообщает летопись, заметил во время свадьбы великого князя Василия Васильевича и Марии Ярославны 8 февраля 1433 г. на князе Василии Юрьевиче драгоценный пояс, который, по мнению Петра, когда-то входил в причитавшееся великому князю Дмитрию Ивановичу приданое, но был подменен и Дмитрию не достался²³. Сложно сказать, хотел ли, сообщив об этом великой княгине Софье Витовтовне, Добрынский лишний раз напомнить таким образом о древности своего рода, служившего московским князьям еще при Дмитрии Ивановиче, или же намеренно стремился рассорить окружение Василия с сыновьями Юрия Дмитриевича, но разгоревшийся на той свадьбе скандал стал в итоге одним из важных эпизодов в истории московских династических конфликтов второй четверти – середины XV в. Та же летописная статья 1433 г. сообщает о не заставившем себя долго ждать подходе к Москве соединенных войск Юрия Дмитриевича, к которому теперь присоединился и оскорбленный Василий Юрьевич с братом Дмитрием Шемякой. Согласно летописцу, в этот момент, то есть в апреле 1433 г., Петр Добрынский занимал высокий пост ростовского великокняжеского наместника. Узнав о приближении неприятелей Василия Васильевича, он, даже не пытаясь защищать Ростов, куда успел прибыть с великокняжеской свадьбы, бежал к Москве²⁴.

Для нас важнее, однако, что во вкладной грамоте Петра 1454 г. названы деревни Олферчиково и Ипское, а также способ их приобретения, их предыдущий владелец и место их расположения. Две деревни были не куплены, а некогда выменены вкладчиком, причем у владыки ростовского Григория – того же самого, что построил церковь в Дорогомилове, и, следовательно, в период его епископства, то есть между 14 марта 1396 и 3 мая 1416 г. – как минимум за 35 лет до обсуждаемого вклада. Из этого вытекает, что владыка, как можно судить, располагал тогда не одним лишь Дорогомиловом, но и другими землями в его округе, находящимися не только

²¹ ПСРА. Т. 25. С. 270.

²² АФЗХ. Ч. 1. № 29. С. 48–49.

²³ ПСРА. Т. 25. С. 250; Т. 26. С. 189.

²⁴ ПСРА. Т. 25. С. 250.

на левом, но и на правом берегу Москвы-реки (точно так же, как и у его соседа и контрагента Петра Добрынского), и распорядился ими. Что именно за эти деревни получил взамен епископ и где именно – предположить с должной степенью уверенности невозможно, но оба участника сделки и до, и после нее оставались значимыми землевладельцами в рассматриваемом микрорегионе. Вместе с тем заметим, что расставание Григория с деревнями, находившимися достаточно далеко от центра его московского владения (более чем в 7 км), близ земель великокняжеского села Крылатского, проще всего интерпретировать как округление границ собственного земельного комплекса путем отказа от слишком уж отдаленных периферийных участков. Такому предположению лучше соответствует и то обстоятельство, что путем реализации епископом этих двух деревень стал именно обмен, а не продажа за деньги.

К сожалению, у нас нет исчерпывающих данных о тогдашней структуре землевладения правобережья Москвы вверх по ее течению от устья Сетуни и далее, по сторонам Можайской дороги. Расположение полученных Петром Добрынским от владыки Григория Олферчикова и Ипского указано в акте – «у Крылатска». Это подтверждают позднейшие источники, фиксируя небольшую (в XVII в. в ней было три двора, а к началу XVIII в. осталось лишь два) деревню Ипское на Москве-реке, неподалеку от Мазилова, в составе крупного вотчинного комплекса Филей и Мазилова с деревнями в долине речки Фильки, вплоть до пресечения ветви князей Мстиславских находившегося в их собственности, а затем отписанного в дворцовое ведомство и позднее переданного Льву Кирилловичу Нарышкину. Еще И. Е. Забелин указал на прежнее местоположение Ипского в районе «Кунцевской липовой роши» (территория нынешнего Филевского парка, рядом с усадьбой Кунцево) [Забелин, с. 141, 160, 166, 184–185]. Крылатское же принадлежало великим князьям, и по духовной Василия Дмитриевича 1423 г. переходит Софье Витовтовне, причем оно там упомянуто как «Крылатское село, што было за татаром»²⁵. Такое указание дает определенную почву для того, чтобы соотнести временную передачу в предшествующий период конца XIV – начала XV в. великим князем этого села некоему «татару» с началом перехода отдельных представителей ордынской знати на московскую службу. Первой достоверной фиксацией данного процесса является летописное известие под 1393 г., по которому «приехаша к великому князю из Орды три татарины двора царева, постелники его суще, хотяще креститися и служити великому князю, беша же имена их: Бахты Хозя, Хыдырь Хозя, Мамат Хозя. Крести же их сам митрополит Киприянъ на реце на Москве, и нарече имена их: Ананья, Азария, Мисаиль. Бе же ту на крещении томъ самъ князь великы и вси князя и бояря их и весь народ града Москвы»²⁶. Был ли среди поименованных ордынцев будущий держатель Крылатского, или же он выехал в Москву вслед за ними, судить трудно, но высокий статус недавних ханских приближенных и непосредственное участие в их приеме на службу самого Василия Дмитриевича не дает исключить такую возможность.

Расположенный ниже по течению от Крылатского, в излучине Москвы-реки напротив устья Ходыни, к северу от Мазилова и Филей обширный Ходынский луг в XV в. находился в собственности великого князя²⁷. Землями южнее, на обоих берегах Москвы ниже Дорогомилова (данный Петром Добрынским Саввин монастырь и, видимо, позднейшая Бережковская слобода, а также мельница в устье Сетуни), в нижнем течении Сетуни и на Раменке (Голенищеве, Селятино) владел митрополичий дом. Сведений о принадлежности низменного правого берега Москвы напротив Дорогомилова в рассматриваемый период нет, но позднее, в XVI в., там создается Дорогомиловская ямская слобода, что свидетельствует о распоряжении тогда этой местностью великокняжеской власти.

---

²⁵ ДДГ. № 21. С. 57; № 22. С. 60.

²⁶ ПСРА. Т. 25. С. 221.

²⁷ ДДГ. № 61. С. 196.

В целом можно отметить, что применительно ко всей территории правобережья Москвы, начиная от Крылатского и вплоть до долины Сетуни, единственным резонным предположением оказывается ее изначальная, то есть как минимум с последней трети XIII в., подвластность московским князьям (см. также: [Чернов]). Постепенное появление на протяжении XIV – начала XV в. там владений иных собственников – митрополичьей кафедры, знатнейших служилых родов (Добрынские, Аминевы, Волинские), Ростовской епископии – происходит с княжеской санкции и под постоянным контролем глав московского княжеского дома. Причем то обстоятельство, что данная Петром Добрынским митрополиту ранее принадлежавшая ростовскому владыке Григорию деревня Ипская впоследствии обнаруживается вовсе не в митрополичьей собственности, а в составе вотчинного комплекса Фили – Мазилово, скорее всего полученного князьями Мстиславскими после выезда на московскую службу, заставляет учитывать возможность неких не отраженных дошедшими источниками изменений владельческой принадлежности земельных комплексов и их элементов в рассматриваемом микрорегионе в XV – первой половине XVI в., в том числе и вмешательств великокняжеской власти в уже сложившиеся земельные отношения. В этом смысле, например, надо иметь в виду, что владения там же Добрынских, наиболее вероятно, не исчерпывались обсуждаемым вкладом Петра Константиновича «на поминок своих прародителей и родителей, и по своей души, и по всему своему роду», но прочие его родовые земли, если они там были, принимая во внимание бегство его сеньора князя Ивана Андреевича в том же 1454 г. в Литву²⁸, очевидно, оказались отписаны на государя. Заметим здесь также, что сын старшего брата Петра, верно служившего Василию Васильевичу и павшего в Суздальском бою Федора Константиновича Симского, Василий Образец в начале последней четверти XV в. владеет землей по соседству – на Раменке, рядом с митрополичьим Селятином²⁹. Волинское и Аминьево, находящиеся на берегах Сетуни чуть выше земель митрополичьей кафедры и топонимически связанные со служилой знатью второй половины XIV в., спустя два века тоже фигурируют уже среди дворцовых сел.

С учетом всех перечисленных обстоятельств, включая в первую очередь то, что во времена епископа Григория подмосковные владения Ростовской епископии зафиксированы на обоих берегах Москвы, сохраняется возможность, в рамках которой расположенные на низменном правом берегу реки против Дорогомилова земли, где в следующем столетии появляется Дорогомиловская ямская слобода, а возможно, и еще западнее, вплоть до долины Фильки, ранее, в XIV – начале (и даже в первой половине, уже после перехода в собственность ростовских владык) XV в., могли тянуть к Дорогомилову, составляя хозяйственные угодья его жителей, но впоследствии тем или иным путем вновь перешли в собственность Дворца. Это предположение хорошо сочетается и с тем названием, которое получила новооснованная слобода государевых ямщиков.

Касаясь вопроса о том, когда именно и как именно Ростовская кафедра получила Дорогомилово, необходимо сразу указать на явно политический характер подобного акта. Собственники из иных княжений могли владеть землями (тем более – в ближайшей округе стольного города, в московских городских станах) лишь с санкции главы местного княжеского дома, в данном случае – московского князя. Даже если земля не была дана епископии непосредственно князем, а куплена ростовским владыкой у предыдущего владельца-вотчинника, такого рода сделка обязательно «докладывалась» великому князю и по своей сути все равно должна была

---

²⁸ Согласно родословцу из собрания Оболенского, за князем туда последовал и сын Петра Семен, бывший боярином у князя Ивана (Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 115).

²⁹ АФЗХ. Ч. 1. № 28. С. 48.

стать результатом княжеского пожалования архиерею права на подобную покупку – в этом случае выдавались так называемые «освобоженные грамоты» [Назаров, 2012, с. 53–58]³⁰.

С учетом этого следует вновь обратиться к жалованной грамоте Ивана Васильевича архиепископу Никандру 1555 г. Она была дана взамен всей совокупности предшествующих пожалований, ранее дававшихся Ростовской кафедре предшественниками царя и великого князя Ивана – великими князьями, причем их акты были предоставлены ходатайствовавшим о получении новой грамоты архиереем непосредственно: «те все старинные жаловалные грамоты с подписми богомолец наш Никандр архиепископ Ростовски и Ярославски пред нами клаал, и те все жаловалные грамоты ветхи и писаны на великих князей имя»³¹. Великие князья, выдававшие ранее эти акты, поименно перечислены: «прародителей наших великого князя Василя Дмитриевича и прадеда нашего великого князя Василя Васильевича, и деда нашего великого князя Ивана Васильевича, и отца нашего великого князя Василя Ивановича всеа России старинные даные жаловалные грамоты за золотыми и за красными печатми»³². Характерно, что самым первым по хронологии в этом ряду московских правителей, выдававших свои пожалования «дому Пречистые Богородицы и великих ростовских чудотворцов Леонтия и Исаия, и Игнатия, и Якова», оказывается великий князь Василий Дмитриевич (1389–1425 гг.) – современник владыки Григория (1396–1416 гг.), и именно при нем и появляется первое упоминание Дорогомилова в качестве епископской вотчины и впервые фиксируются операции Ростовской кафедры с землями в рассматриваемой части московской округи.

Думается, этой совокупности фактов достаточно для предположения, по которому Дорогомилово поступает в собственность ростовских епископов при Василии Дмитриевиче. Следует также указать, что именно на время его великого княжения приходится ряд эпизодов, свидетельствующих не просто о политической близости Ростова и Москвы, ощутимой еще со времен отца великого князя Василя Дмитрия Ивановича, а уже о куда более тесных взаимоотношениях этих двух политических образований: сын правящего ростовского князя Андрея Федоровича Федор становится главным действующим лицом московской авантюры с неудачной попыткой аннексии новгородского Заволочья в 1397 г., причем в итоге в развернувшиеся события оказываются вовлечены брат Федора Юрий и даже сам владыка Григорий, оказавшиеся в Устюге при приближении к городу в 1398 г. новгородского войска и вынужденные вместе вступить в переговоры с новгородцами³³. «Князи ростовские» участвуют в военных акциях Москвы против защищающих свои права на Нижний Новгород суздальских князей в 1411 и 1415 гг.³⁴, из руки великого князя Василя Дмитриевича ростовские князья Александр

³⁰ Возможен еще гипотетический вариант, при котором владыка Григорий выменял Дорогомилово у Петра Добрынского как раз за Олферчиково и Ипское. Впрочем, против подобной конструкции, помимо явной неравноценности объектов такого обмена, имеются весомые аргументы: сделка должна была состояться между 1406–1407 гг., когда в последний раз был упомянут отец Петра, засвидетельствовавший первую духовную Василя Дмитриевича, и началом 1412 г., когда Дорогомилово уже принадлежит Григорию, то есть сразу же вскоре после получения Петром отцовского наследства. При этом в случае, если Петр уже тогда владел землями и Дорогомилово, и будущей Саввинской слободы, то размер и качество подгородного наследия этого пятого или шестого из восьми или девяти сыновей Константина Ивановича Добрынского оказываются необъяснимо превосходящими полученное его многочисленными братьями. Если же ему принадлежало одно Дорогомилово, а все прочие земли в округе он сумел приобрести себе только впоследствии, уже расставшись с ним в обмен на две маленькие деревни, то столь неосторожное распоряжение молодого Петра Константиновича наследным родовым имуществом также выглядит странно. При этом предшествующее владение Григория Ростовского этими деревнями в таком случае также должно было бы быть, скорее всего, весьма непродолжительным, поскольку не сопровождалось появлением в них владычного двора.

³¹ Стрельников С. В. Ростовские грамоты XV–XVI веков. № 2. С. 42.

³² Там же. № 2. С. 41–42.

³³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 391–392; ПСРА. СПб., 2018. Т. 44. С. 67–68.

³⁴ ПСРА. М., 2000. Т. 15. Стб. 485, 487.

Федорович (сын вышеназванного Федора, вторым браком женатый на дочери известного московского боярина Константина Шеи), Андрей и Федор Александровичи в период 1409–1434 гг. многократно садятся на псковский княжеский стол (подробнее см.: [Городилин]). Добавим, что особая близость владыки Григория к ростовскому княжескому дому отражена и владычным летописанием, именно на протяжении его епископства вдруг становящимся чрезвычайно внимательным к жизни местных князей³⁵, и записанными при нем чудесами Жития Леонтия Ростовского, согласно которым по молитве лично возглавленного Григорием ростовского соборного клира был исцелен от обострения глазной болезни сын правящего ростовского князя Александра Константиновича³⁶. В это же самое время в ростовских землях впервые появляются собственные села не только московского князя, но и его служилых людей («Федоровские села Свибловы» в Ростове и на Устюге³⁷).

В приведенную совокупность обстоятельств в качестве, пожалуй, важнейшего необходимо включить и совершившийся в 1380-х гг. переход под московскую власть вдобавок к доставшемуся Москве ранее из состава земель ростовского княжеского дома небольшому Угличу еще и огромной Белозерской земли, которая наравне с Устюгом являлась важной составной частью Ростовской епархии. Получение великими князьями Белоозера и Устюга стало определяющим этапом в истории ростовского архиерейского дома: его епископы в результате оказались поставлены в самую непосредственную связь с Москвой, правители которой теперь обладали светской властью над большей частью земель, подвластных ростовским владыкам в церковном отношении.

Перешедшие на новый уровень взаимосвязи между великокняжеской властью и Ростовской кафедрой, становящейся зависимой не от местных князей, а от правителей Великого княжения Московского, необходимо было обеспечить и материально. Вероятно, в рамках масштабных политических процессов, увенчавшихся прекращением в конце 1410-х – начале 1420-х гг. чеканки ростовскими князьями своей монеты [Титов, с. 132; Титов, Петрунин, с. 330], переходом старейшего княжения в Ростове в руки Василия Дмитриевича в последние годы его великого княжения и присутствием в Ростове к 1433 г. московских наместников³⁸, следует рассматривать и появление у ростовских епископов крупной вотчины близ Москвы, надежно фиксировавшее укрепление их связей с великими князьями и ярко выделявшее их из числа прочих епископий Руси. Не случайно именно владыка Григорий назван на первом месте среди участвовавших в торжественной службе на погребении митрополита Киприана архиереев и именно он прочел «велегласно, да услышана будет въ уши всего народа» над телом усопшего главы Русской церкви написанную Киприаном в расположенном неподалеку от Дорогомилова митрополичьем Голенищеве 15 августа 1406 г., за день до кончины, прощальную грамоту³⁹.

В более ранний период, насколько можно судить, Дорогомилово могло входить в число приречных княжеских сел ближайшей московской округи (при этом, конечно же, не исключен и вариант, при котором у него мог иметься какой-то промежуточный владелец). С учетом встречающихся до сих пор в отдельных работах указаний на предшествующую принадлежность села неким «боярам Дорогомиловым», по имени которых оно будто бы получило свое название, происхождение этой краеведческой легенды следует рассмотреть подробнее. Основой для подобных мнений, восходящих к И. М. Снегиреву [Снегирев, с. 109], оказываются известия Новгородской первой летописи под 1268 г., согласно которой в число павших в Рако-

³⁵ ПСРА. Т. 1. Вып. 3. Стб. 537–540.

³⁶ Житие св. Леонтия, еп. Ростовского. М., 1893. С. 19.

³⁷ ДДГ. № 20. С. 56.

³⁸ ПСРА. Т. 25. С. 250; АСЭИ. Т. 1. № 98. С. 79.

³⁹ ПСРА. Т. 25. С. 234.

ворской битве знатных новгородцев вошел некий Жирослав Дорогомилович, а также Жития Довмонта, дошедшего в составе Псковских летописей, где сообщено, что во время нападения ливонцев в 1299 г. псковский князь Довмонт, «не стерпе дождати мужь своих большая рати, выеха съ малою дружиною, противу имъ ополчися съ Иваном Дорогомиловичемъ»⁴⁰. На этой базе современным краеведением был создан объединяющий применительно к Дорогомилову всех значимых в государственно-патриотическом дискурсе князей XIII в. целостный нарратив, в рамках которого «новгородский боярин Иван Дорогомилов, защищавший в 1299 г. вместе с Довмонтом Псков от нападения врагов», принадлежал к «роду Дорогомиловых», будто бы «самым тесным образом связанному» с княжившим в Новгороде Александром Невским, а позже, когда сын того Даниил стал московским князем, на службе в Москве оказались и «представители фамилии Дорогомиловых» [История московских районов, с. 134].

По данному поводу заметим, что такая гипотеза необъяснимо игнорирует факт отсутствия на Руси в XIII в. фамилий: *Дорогомилович* и в случае 1268 г., и в случае 1299 г. – это отчества, *фамилия* же или даже родовое прозвище представителей некоего знатного рода *Дорогомиловы* неизвестны всем русским средневековым источникам. Если же московское село было как-то связано с кем-то из вышеназванных Дорогомиловичей из Северо-Западной Руси, то оно со всей неизбежностью было бы не Дорогомиловом, а или Жирославовом, или Ивановским. Иначе же для подобной связи остается лишь одна возможность: село должно было получить имя еще от Дорогомила, при его жизни, – но, следовательно, вне любой связи с Даниилом Александровичем и задолго до времени, когда Москва станет княжеским центром. Укажем также, что аргументов в пользу того, что новгородский боярин Жирослав 1268 г. и находившийся в 1299 г. в Пскове рядом с князем Довмонтом Иван были братьями, не имеется, напротив, и определенный хронологический разрыв, и то, что нам известно об элитах тогдашних Новгорода и Пскова и об их отношениях между собой, не слишком способствует этому предположению. Ситуация же, при которой один сын гипотетического Дорогомила середины XIII в. из пограничного города Суздальской земли перебрался бы в Новгород, прочно там войдя каким-то образом в весьма замкнутое сообщество тамошней потомственной знати (летописный Жирослав – не княжой муж, он назван в числе «добрых бояр» новгородских, а принадлежность к этому слою была наследственной), а другой – в Псков, оказавшись там соратником Довмонта, и вовсе выглядит вероятной лишь в рамках исторической романистики.

Куда более рациональным видится вариант, при котором московский Дорогомил – обладатель вполне обычного двуосновного нехристианского имени, принадлежащего к архаическому пласту славянской антропонимии и фиксируемого не только на Руси, но также в Польше и на Балканах⁴¹, никак не был связан ни с новгородским, ни с псковским Дорогомиловичами. Более того, он, скорее всего, жил на пару или даже более поколений раньше тех, поскольку в суздальских землях по мере углубления христианизации использование мирских имен такого рода прекращается прежде, нежели на Северо-Западе. Соответственно, наиболее вероятно, что рассматриваемый московский топоним связан с именем первого владельца земли или первопоселенца XII – первой половины XIII в.

Подводя итоги, можно отметить, что имеющиеся данные по ранней истории московской вотчины ростовского архиерейского дома позволяют с определенной долей уверенности предположить, что в собственность ростовских владык она поступила в период великого княжения Василия Дмитриевича и во времена епископа Григория ее территория так или иначе захватывала и земли на правом берегу Москвы. Появление подобного крупного владения в непосред-

⁴⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 86; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 18.

⁴¹ Дорогомилъ, Драгомилъ, Dorogomyzl [Морошкин, с. 77].

ственной близости от столицы великого княжения Московского выделяет Ростовскую кафедру из числа прочих епископий и должно рассматриваться в контексте великокняжеской политики той эпохи. Возникновение же ставшего центром этого владения села Дорогомилова, насколько возможно судить по доступным источникам, может быть отнесено к предшествующему периоду XII–XIII вв.

Маковский К. Е. Вид Москвы у Дорогомиловского моста. 1885.
Вверху - ц. Благовещения в Дорогомилове.

Вид от Кунцевской рощи на долину р. Фильки и дер. Мазилово.
Вдали - Воробьевы горы. По фотографии 1870-х гг.

Литература

- Городилин С. В. К вопросу о брачных связях псковской элиты в первой трети XV в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Псков, 2015. Вып. 30. Материалы 60-го заседания. С. 68–86.
- Забелин И. Е. Кунцово и древний Сетунский стан. М., 1873. 256, [1] с., [4] л. ил.
- Зимин А. А. К изучению источников Степенной книги // ТОДРА. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 225–230.
- История московских районов / [Аверьянов К. А. и др.]; под ред. К. А. Аверьянова. М., 2010. 478, [2] с.
- Кучкин В. А. Уставная Московская Запись об уголовном суде и подсудности в городе Москве с округом (в печати).
- Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. 542 с., [26] л. ил., карт.
- Макарий (Веретенников), архим. Ростовский архиепископ Кирилл III (1526–1538) // История и культура Ростовской земли. 2008. Ростов, 2009. С. 115–123.
- Мельник А. Г. Московский великий князь Василий III и культы русских святых // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 7–12.
- Мельник А. Г. Культы святых в общественной жизни Руси середины – второй половины XV в. // ТОДРА. СПб., 2014. Т. 63. С. 58–66.
- Мельник А. Г. История распространения культа св. Леонтия Ростовского на Руси в XV–XVI веках // История и культура Ростовской земли. 2015. Ростов, 2016. С. 18–33.
- Морошкин М. Я. Славянский именовослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867. [2], 108, 213 с.
- Назаров В. Д. Из истории вотчины Северо-Восточной Руси в XV в.: «Грамоты ослобожонные» // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования. Рязань, 2012. С. 50–58.
- Назаров В. Д. Рассказ Вологодско-Пермской летописи о Стоянии на Угре // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Калуга, 2017. С. 251–269.
- Снегирев И. М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1875. Т. 1. LXXXVIII, 216, 20, II с.
- Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. СПб., 2009. 358, [1] с.
- Титов Г. А. Об одной группе монет с именем князя Федора // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Минск; М., 2016. Вып. 2. С. 126–134.

Титов Г. А., Петрунин К. М. Денежный комплекс середины второго десятилетия XV в. из окрестностей г. Пушкино Московской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2021. Вып. 9. С. 324–350.

Чернов С. З. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2005. Т. 2. 648, [2] с., [13] л. цв. ил., цв. карт.

References

Chernov, S. Z. Domen moskovskikh knyazei v gorodskikh stanakh. 1271–1505 gody [The Domain of the Moscow Princes within the City Stans. 1271–1505]. In *Kul'tura srednevekovoi Moskvy. Istoricheskie landshafty*. Moscow, 2005. Vol. 2. 648, [2] p., [13] l. of col. il., col. maps.

Gorodilin, S. V. K voprosu o brachnykh svyazyakh pskovskoi elity v pervoi treti XV v. [On the Marital Relations of the Pskov Elite in the First Third of the 15th Century]. In *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli. Seminar im. akademika V. V. Sedova*. Pskov, 2015. Issue 30. Materialy 60-go zasedaniya. Pp. 68–86.

Istoriya moskovskikh raionov [The History of Moscow Districts]. [Aver'yanov K. A. et al.]; ed. K. A. Aver'yanov. Moscow, 2010. 478, [2] p.

Kuchkin, V. A. Ustavnaya Moskovskaya Zapis' ob ugolovnom sude i podsudnosti v gorode Moskve s okrugom [The Regulation Moscow Act of the Criminal Court and Jurisdiction in the City of Moscow with the District] (in print).

Makarii (Veretennikov), arkhim. Rostovskii arkhiepiskop Kirill III (1526–1538) [Archbishop Kirill III of Rostov (1526–1538)]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoi zemli. 2008*. Rostov, 2009. Pp. 115–123.

Mazurov, A. B. Srednevekovaya Kolomna v XIV – pervoi treti XVI v.: Kompleksnoe issledovanie regional'nykh aspektov stanovleniya edinogo Russkogo gosudarstva [Medieval Kolomna in the 14th – the First Third of the 16th Century: A Comprehensive Study of Regional Aspects of the Formation of a Unified Russian State]. Moscow, 2001. 542 p., [26] l. of il., maps.

Mel'nik, A. G. Moskovskii velikii knyaz' Vasiliy III i kul'ty russkikh svyatykh [The Moscow Grand Prince Vasily III and the Cults of Russian Saints]. In *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. 2013. No. 4. Vol. 1 (Gumani-tarnye nauki). Pp. 7–12.

Mel'nik, A. G. Kul'ty svyatykh v obshchestvennoi zhizni Rusi serediny – vtoroi poloviny XV v. [The Cults of Saints in the Public Life of Rus in the Middle and Second Half of the 15th Century]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg, 2014. Vol. 63. Pp. 58–66.

Mel'nik, A. G. Istoriya rasprostraneniya kul'ta sv. Leontiya Rostovskogo na Rusi v XV–XVI vekakh [The History of the Spread of the Cult of St. Leontius of Rostov in Rus in the 15th–16th Centuries]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoi zemli. 2015*. Rostov, 2016. Pp. 18–33.

Moroshkin, M. Ya. Slavyanskii imenoslov, ili Sobranie slavyanskikh lichnykh imen v alfavitnom poryadke [The Slavic Onomasticon, or a Collection of Slavic Personal Names in Alphabetical Order]. Saint Petersburg, 1867. [2], 108, 213 p.

Nazarov, V. D. Iz istorii votchiny Severo-Vostochnoi Rusi v XV v.: “Gramoty oslobozhonye” [From the History of the Patrimony of Northeastern Rus in the 15th Century: “Letters Oslobozhonye”]. In *Aktual'nye problemy agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy X–XXI vv.: istochniki i metody issledovaniya*. Ryazan, 2012. Pp. 50–58.

Nazarov, V. D. Rasskaz Vologodsko-Permskoi letopisi o Stoyanii na Ugre [The Story of the Vologda-Perm Chronicle about Standing on Ugra]. In *Velikoe stoyanie na reke Ugre i formirovanie Rossiiskogo tsentralizovannogo gosudarstva: lokal'nye i global'nye konteksty*. Kaluga, 2017. Pp. 251–269.

Snegirev, I. M. Moskva. Podrobnoe istoricheskoe i arkhelogicheskoe opisaniye goroda [Moscow. Detailed Historical and Archaeological Description of the City]. 2nd edition, revised and expanded. Moscow, 1875. Vol. 1. LXXXVIII, 216, 20, II p.

Strel'nikov, S. V. Zemlevladieniye v Rostovskom krae v XIV – pervoi treti XVII veka [Land Ownership in the Rostov Region in the 14th – the First Third of the 17th Century]. Saint Petersburg, 2009. 358, [1] p.

Titov, G. A. Ob odnoi gruppe monet s imenem knyazya Fedora [About One Group of Coins with the Name of Prince Fyodor]. In *Rus', Litva, Orda v pamyatnikakh numizmatiki i sfragistiki*. Minsk; Moscow, 2016. Issue 2. Pp. 126–134.

Titov, G. A., Petrunin, K. M. Denezhnyi kompleks serediny vtorogo desyatiletiya XV v. iz okrestnostei g. Pushkino Moskovskoi oblasti [The Monetary Complex of the Middle of the Second Decade of the 15th Cen-

tury from the Vicinity of Pushkino, Moscow Region]. In *Srednevekovaya numizmatika Vostochnoi Evropy*. Moscow, 2021. Issue 9. Pp. 324–350.

Zabelin, I. E. Kuntsovo i drevnii Setunskii stan [Kuntsevo and the Old Setun Stan]. Moscow, 1873. 256, [1] p., [4] l. of il.

Zimin, A. A. K izucheniyu istochnikov Stepennoi knigi [To Study the Sources of the Book of Royal Degrees]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad, 1957. Vol. 13. Pp. 225–230.

Sergey V. Gorodilin

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

MOSCOW PATRIMONY OF ROSTOV BISHOPS:
ON DOROGOMILOVO EARLY HISTORY

The article analyzes the history of the Dorogomilovo residence of Rostov bishops near Moscow in the 15th – the first third of the 16th centuries. The paper investigates the functions of this estate of the heads of the Rostov cathedra in this period, suggests the emergence of this property during the reign of Vasily Dmitrievich, and clarifies the political context of this act.

Keywords: Rostov bishops, Grand Prince Vasily Dmitrievich, Dorogomilovo, St. Leontius of Rostov